

ЛИЛИЯ РОМАНОВА

МАМА

— МОЕГО —

БЫВШЕГО

Лилия Романова

Мама моего бывшего

«Автор»

2026

Романова Л.

Мама моего бывшего / Л. Романова — «Автор», 2026

Муж стал бывшим. А его маму я по-прежнему называла мамой. После двадцати четырех лет брака и четырех месяцев после развода мне казалось: хотя бы этот дом останется прежним. Знакомая чашка, воскресный пирог, женщина, рядом с которой не надо объяснять, почему больно. Но однажды я приехала к ней с пирогом и увидела дорожную сумку. У Веры Николаевны тоже начиналась новая жизнь. Мужчина, поездки, планы, в которых не было привычного места для меня. А потом я встретила Павла. С ним хотелось смеяться, целоваться и снова куда-то спешить. Только можно ли построить новые отношения, если все еще пытаешься вернуться в старый дом?

© Романова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не в это воскресенье	5
Глава 2. Пирог на двоих	8
Глава 3. Неправильная запятая	11
Глава 4. Синий джемпер	14
Глава 5. Дачный вопрос	16
Глава 6. Между двумя остановками	18
Глава 7. Не на хранение	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лилия Романова

Мама моего бывшего

Глава 1. Не в это воскресенье

Пирог я поставила на дорожную сумку. Больше было некуда: на тумбочке лежала раскрытая карта, а привычное место возле зеркала занимали две пары перчаток. Одни, кожаные, были мужские.

— Светочка, только не на сумку, — сказала Вера Николаевна. — Там бутерброды.

Я подняла пирог обратно. Форма еще грела ладони сквозь полотенце.

— А куда вы собрались?

— В Березовку. Я же говорила, там усадьбу открыли после ремонта. Леонид сейчас машину подгонит.

На ней была короткая стеганая куртка цвета спелой вишни. Я никогда не видела этой куртки. Под воротником торчал зеленый шарф, в руках Вера Николаевна держала маленькое зеркальце. Пока я смотрела, она провела пальцем возле губ и спрятала зеркальце в карман.

В семьдесят один год она вполне могла ездить в Березовку и красить губы. Я знала это. Мне было сорок семь, я работала с книгами и считала себя человеком разумным. Но пирог почему-то становился тяжелее.

— Мы ведь обычно по воскресеньям...

Я не договорила. Вера Николаевна посмотрела на форму, потом на меня.

— Ты сегодня хотела приехать?

— Уже приехала.

— Вижу. Я думала, мы на прошлой неделе просто обедали. Про эту не договаривались.

Она не оправдывалась. От этого стало еще неприятнее. Было бы легче, если бы она забыла. Забывают конкретные обещания. Здесь выяснялось, что обещания не было вовсе.

За последние четыре месяца я приезжала к ней пять раз. Иногда приносила что-нибудь к чаю, иногда мы вместе резали овощи, иногда она велела мне сидеть и не мешать. Прежде такие обеды случались не чаще. Только прежде со мной приходил Кирилл, и я не считала воскресенья.

Кирилл был ее сыном. Моим мужем он больше не был.

— Давай с нами, — предложила Вера Николаевна. — Там хорошо. Пирог в дороге съедим. А бутерброды останутся.

Я представила себя на заднем сиденье, с формой на коленях. Впереди Вера Николаевна в новой куртке и человек, чьи перчатки лежали на тумбочке. Они будут обсуждать дорогу, поворачивать не туда, смеяться над этим. Я буду отрезать пирог и передавать им через плечо.

— Не могу. Мне потом надо домой.

— Так мы не до ночи.

— Я хотела просто зайти.

Вера Николаевна подняла с тумбочки ключи. На большом кольце болтался деревянный гриб, который Аня выжгла еще в школе. Я вдруг вспомнила, как Кирилл тогда сказал, что гриб похож на неудачную табуретку, а его мать ответила, что наконец-то в семье появился честный художник.

Хорошие воспоминания всегда приходили без спроса. Их не интересовало, что я собиралась чувствовать дальше.

Из кармана Веры Николаевны зазвучал телефон.

— Да, спускаюсь. Только тут Света пришла... Нет, все хорошо. Сейчас.

Она закончила разговор и поставила сумку на пол.

— Пирог оставишь? Я форму потом принесу.

— Возьму с собой. Все равно горячий.

Это не имело никакого смысла. Горячему пирогу не было нужды ехать со мной обратно через весь город. Я услышала себя и поняла, что обиделась уже настолько, что начинаю защищать выпечку от чужого аппетита.

Вера Николаевна тоже услышала.

— Света, я не знала, что ты придешь.

— Я поняла.

— Ты говоришь так, будто не поняла.

Я посмотрела на нее. Знакомое лицо, тонкие морщины возле рта, светлые волосы, тщательно уложенные за уши. Раньше по воскресеньям она часто ходила в старом кардигане. Сейчас ей хотелось, чтобы куртка сидела хорошо. И чтобы мужчина внизу не ждал слишком долго.

— Все нормально, мам.

Слово вышло само. Я называла ее так почти двадцать лет. Даже после развода мы не обсуждали, нужно ли что-то менять. Однажды я сказала «мама» по телефону, и она ответила: «Слушаю». На этом вопрос, которого никто не задавал, закончился.

— Пойдем вместе вниз, — предложила она.

В лифте между нами стояла сумка. Я держала пирог обеими руками и смотрела на цифры. Мне хотелось спросить, давно ли она собиралась. Вместо этого я спросила, удобно ли ей в новых ботинках.

— Пока да. Но проверим в усадьбе. В магазине далеко не уйдешь.

Я улыбнулась, хотя не собиралась.

У подъезда стоял серый автомобиль. Из него вышел высокий мужчина в коричневой куртке, открыл багажник и направился к нам. Я видела Леонида дважды: в библиотеке на вечере знакомой Веры Николаевны и однажды возле рынка. Тогда он нес ее пакет, а я решила, что они встретились по дороге.

— Светлана, добрый день, — сказал он. — С нами?

— Нет. У меня свои дела.

— Жалко. Там есть на что посмотреть. Я фотографии видел, они лестницу целиком восстановили.

Он взял сумку у Веры Николаевны, не дожидаясь просьбы. Она отдала ее и поправила ему воротник, который завернулся внутрь. Совсем маленькое движение. Я почему-то отвернулась к кустам возле подъезда.

— Позвони вечером, — сказала она мне.

— Хорошо отдохните.

Вера Николаевна коснулась моего локтя. Я не отступила, но и обнимать ее с горячей формой было неудобно. Она села в машину. Леонид обошел капот, помахал мне и тоже сел.

Когда они уехали, я осталась у подъезда. До автобуса надо было идти через двор, но я стояла и думала, что дома у меня нет никаких срочных дел. Утром я вытерла пыль, заправила постель и даже вымыла раковину. Сделала все заранее, чтобы никуда не торопиться после обеда.

Телефон завибрировал в кармане. Ольга прислала фотографию огромной запятой, которую кто-то нарисовал на стене возле ее подъезда, и подпись: «Тебя ждут на работу даже в выходной».

Я посмотрела на фотографию, потом набрала ее номер.

— Оль, ты дома?

— Пока да. А что?

— У меня пирог.

— Плохой?

— Очень хороший.

— Тогда почему такой голос?

Я села на скамейку возле детской площадки. Форма наконец перестала обжигать ладони.

— Потому что больше у меня пока ничего нет.

Ольга помолчала.

— Приезжай. Только у меня через час еще один человек зайдет. Нормальный. Не пугай его этим вступлением.

Глава 2. Пирог на двоих

Ольга открыла дверь с отверткой в руке. Я сразу почувствовала себя менее несчастной: у человека с отверткой обычно есть конкретная неприятность, и возле нее мои неприятности могли немного постоять в стороне.

— Если здесь надо собирать мебель, пирог не поможет, — сказала я.

— Мебель уже собрана. Теперь надо понять, почему она меня не уважает.

В ее комнате стоял новый письменный стол. Одна ножка была короче остальных или пол выше, чем следовало. Ольга еще не определилась, кому предъявлять претензии. Она работала переводчицей и решила перенести рабочее место из спальни в маленькую комнату, где прежде хранилось все, что не помещалось в остальной квартире.

Я поставила пирог на кухонный стол. Здесь ему наконец нашлось нормальное место.

— Кто придет?

— Паша. Я у него измерительную штуку попросила. Он живет через два дома.

— Уровень?

— Возможно. Я сказала, что стол качается, а он сказал, что принесет. На этом мои технические познания исчерпались.

Ольга достала тарелки и нож.

— Что произошло?

Я рассказала про сумку, Березовку и новую куртку. Когда дошла до мужских перчаток, Ольга перестала резать пирог.

— Так у нее мужчина?

— Судя по всему.

— Хорошо же.

— Я не говорю, что плохо.

— Говоришь лицом.

Я подвинула ей пустую чашку.

— Она могла предупредить.

— О мужчине или о воскресенье?

Я хотела ответить сразу, но не смогла. Ольга налила чай и не стала спасать меня от паузы.

— О том, что все теперь по-другому, — сказала я наконец.

— Свет, четыре месяца как по-другому.

— Не все.

Ольга села напротив. Она не сказала, что понимает. За это я была ей благодарна. Иногда мне казалось, что все давно поняли мою жизнь лучше меня и теперь ждут, когда я перестану отставать.

Кирилл ушел в мае. Не исчез, не хлопнул дверью, не забрал деньги со счета. Сначала признался в том, о чем я уже две недели боялась спросить. Потом сказал, что запутался. Я предложила ему распутываться отдельно от меня. Дальше были разговоры, вещи, документы и деление того, что прежде называлось нашим. Все это закончилось. Но по воскресеньям я все еще ехала к его матери, и там можно было поставить чашку на знакомое место, не объясняя, почему мне плохо.

В дверь позвонили.

— Не убирай тарелку, — сказала Ольга. — Он все равно найдет.

Павел вошел с маленьким черным футляром. Высокий, худой, в расстегнутой синей куртке. Темные волосы лежали беспорядочно, короткая борода делала лицо серьезнее, чем был его взгляд.

— Я принес уровень, — сказал он. — И здравый смысл. Второго мало, пользоваться осторожно.

— Здравый смысл поставь в прихожей, — ответила Ольга. — Здесь он мешает расставлять мебель красиво. Это Света.

Мы поздоровались. Он посмотрел на пирог и не стал делать вид, что не заметил.

— Я правильно выбрал время?

— Это выяснится после стола, — сказала Ольга.

Мы прошли в маленькую комнату. Павел присел возле ножки, Ольга держала столешницу, я стояла в дверях и чувствовала, что тоже должна что-то делать.

— Мне куда-нибудь нажать?

— Лучше пока никуда, — ответил Павел. — У нас и так система под нагрузкой.

Выяснилось, что одна опора просто не была докручена. Ольга с видом человека, которому не дали закончить важное открытие, убрала отвертку.

— Я знала. Проверяла вашу внимательность.

— Тогда положите мне пирога за внимательность.

На кухне он снял куртку, повесил ее на спинку свободного стула и сел не возле Ольги, а напротив меня. На нем был горчичный свитер с чуть растянутыми манжетами. Я заметила, как он придерживает тарелку пальцами, пока режет кусок, и удивилась самой себе. Утром меня интересовали только сумки и перчатки.

— Вы сами пекли?

— Да.

— Тогда придется сказать хорошее вслух. Очень удачно.

— Можно не вслух. Я по скорости вижу.

Он рассмеялся, и я тоже. Ольга посмотрела на нас, но ничего не сказала. За это я была благодарна ей второй раз за день.

Павел занимался акустикой помещений. Я сначала решила, что это означает музыку, но он рассказал, что чаще речь шла о том, как сделать переговорную комнату менее похожей на железное ведро.

— А вы?

— Исправляю чужие ошибки.

— Хорошая профессия. Дома тоже работаете?

Я на секунду замолчала. Он заметил это и чуть наклонил голову, словно хотел забрать вопрос обратно.

— Дома стараюсь меньше, — сказала я. — Получается не всегда.

— Она корректор, — объяснила Ольга. — У нас в компании никто не пишет «также» без внутренней тревоги.

Разговор пошел о работе, потом о смешных надписях, потом о кинотеатре, который открылся после долгого ремонта и теперь показывал старые фильмы по цене новых. Павел возмущался неудобными креслами, но признался, что уже сходил два раза.

— Значит, не настолько неудобные, — сказала я.

— Я каждый раз надеюсь, что они исправились.

Когда я собралась домой, пирога осталось меньше половины. Ольга завернула кусок себе, еще один предложила Павлу. Он сказал, что не может отнимать у автора результат труда.

— Может, — сказала я. — Автор принес слишком много.

Мы вышли вместе. Во дворе было светло, хотя день уже перевалил за середину. Павел нес мой пакет с пустой формой: я сама попросила, пока застегивала пальто, а потом почему-то не забрала сразу.

— Вам в какую сторону?

Я показала на остановку.

— Мне туда же до угла. Если вы не против, составлю компанию. Без стола я тоже иногда полезен.

— А без пирога?

Он задумался.

— Придется выяснять.

У остановки я забрала пакет. Автобус еще не подошел, и мы постояли рядом, глядя на движение. Он не пытался заполнить каждую секунду. Это было неожиданно приятно.

— Можно я попрошу ваш номер? — спросил он. — Не для консультации по запятым.

Я достала телефон. Палец почему-то промахнулся мимо нужного значка. Павел сделал вид, что смотрит на расписание, и от этого я совсем развеселилась.

В автобусе я нашла свободное место у окна. Домой все равно надо было ехать одной. Только теперь это было не единственным, что произошло со мной за день.

Глава 3. Неправильная запятая

В понедельник автор поставил запятую между подлежащим и сказуемым и защищал ее с такой страстью, будто речь шла о члене семьи.

— Здесь пауза, — сказал он по телефону.

— Пауза остается, — ответила я. — Запятая уходит.

— Но я именно так слышу.

Я посмотрела на экран. В учебном пособии по географии предложение о речной системе выглядело совершенно мирным. Оно не заслуживало того, что с ним делали.

— Читатель тоже услышит. Давайте я пришлю вам весь абзац, а не отдельную строчку.

Автор согласился не сразу. Когда разговор закончился, моя коллега за соседним столом подняла голову.

— Победила?

— Мы заключили перемирие до следующего абзаца.

Работа помогала тем, что была конкретной. Нельзя было часами размышлять, кто кому кем приходится, когда на странице путали север с югом. Я исправила ошибку, сверила подпись к рисунку и только после этого посмотрела на телефон.

Павел написал утром: «Добрый день. Пирог закончился. Общение хотелось бы продолжить».

Я прочитала сообщение два раза. Потом третий, хотя ничего нового в нем не появилось.

«Сначала надо убедиться, что общение не зависело от пирога», — ответила я.

Он предложил пройтись вечером. Не через неделю, не когда-нибудь, а сегодня после работы, если у меня не было других планов.

План был один: купить хлеб и вернуться домой. Я подумала, что хлеб можно купить и с другим человеком.

Мы договорились встретиться возле сквера в половине седьмого.

Днем позвонила Аня. В ее голосе было легкое раздражение, которое обычно означало, что она столкнулась с очередной трудностью самостоятельной жизни и теперь хотела рассказать матери, не получая готового решения.

— Представляешь, я заказала штору, а она одна.

— Ты одну заказала?

— Там на фотографии две.

— А в описании?

— Мам.

— Все, молчу.

Она рассмеялась. Я представила ее маленькую съемную комнату, стол возле окна и эту единственную штору, которой предстояло защищать взрослую жизнь моей дочери от соседних окон.

Аня жила в другом городе второй год. Работала в проектном бюро, сама выбирала мебель и иногда присылала фотографии ужинов. После нашего развода с Кириллом она стала звонить чаще, но я не всегда знала, рада этому или чувствую себя проверяемой.

— Ты как? — спросила она.

— Нормально. Сегодня гулять иду.

— С Ольгой?

— Нет. С мужчиной.

В трубке стало тихо.

— А-а, — сказала Аня. — И кто он?

— Павел. Знакомый Ольги. Вчера познакомились.

— Это хорошо.

Она произнесла это слишком быстро, будто боялась, что иначе я пойму неправильно. Я вдруг пожалела, что сообщила так торжественно, словно собиралась выходить замуж.

— Ань, мы просто пройдемся. Ты можешь не составлять мнение прямо сейчас.

— Я и не составляю. Просто ты сказала неожиданно.

— Для меня тоже.

Она спросила, во сколько я встречаюсь, потом вернулась к шторе. Мы обсудили, стоит ли докупить вторую или признать ошибку и выбрать совсем другие. Разговор стал обычным, и мне стало легче.

Перед выходом я задержалась возле зеркала в туалетной комнате. Поправила волосы, потом вернула их почти на прежнее место. В сорок семь лет у меня было достаточно опыта, чтобы понимать бессмысленность этого занятия, и достаточно желания, чтобы продолжать.

Павел ждал возле киоска с кофе. В руках у него был бумажный стакан, рядом на бортике клумбы стоял второй.

— Я взял вам чай, — сказал он. — И сразу подумал, что вы можете его не хотеть.

— Хочу. Но у меня теперь есть преимущество: вы уже успели ошибиться.

— Это не ошибка, это предварительная заявка.

Мы пошли вдоль сквера. Возле лавочек собирали опавшие листья, и воздух пах мокрой землей. Павел рассказал, что днем ездил смотреть зал, где заказчик хотел одновременно убрать эхо и оставить все стены совершенно голыми.

— Я бы оставила эхо, — сказала я. — Пусть повторяет требования заказчика, пока он сам не услышит.

— Можно вас приглашать на сложные встречи?

— Только после работы. И с отдельной оплатой за язвительность.

Мы говорили легко. Я не искала, где вставить историю о разводе, а он не задавал вопросов, на которые надо было отвечать биографией. Возле маленького моста остановились посмотреть, как вода прибывает листья к низкой решетке.

— Я здесь давно не ходила, — сказала я.

— А я все время хожу по одной стороне. Сегодня решил перейти на другую, потому что с той стороны ремонт.

— И обнаружили новые горизонты?

— Пока только другую урну. Но я не теряю надежды.

Я смеялась громче, чем требовала шутка. Павел посмотрел на меня и улыбнулся не самой шутке, а моему смеху. Это я заметила очень ясно.

У хлебного магазина я вспомнила свой первоначальный план.

— Мне надо зайти.

— Пойдемте.

Он выбрал маленький круглый хлеб, я привычно потянулась к большому батону и остановилась. Последние месяцы я все еще покупала слишком много. Не потому, что ждала Кирилла. Просто рука помнила раньше головы.

Павел не спросил, почему я передумала. Подержал мою корзину, пока я положила маленький батон, и спросил, пробовала ли я здесь хлеб с семечками.

На улице уже зажглись фонари. Мы дошли до моей остановки, и на этот раз я не торопилась смотреть, какой автобус приближается.

— Мне понравилось, — сказал он.

— Что именно? Хлеб или другая сторона сквера?

— Пока трудно разделить. Но основная причина стоит передо мной.

Я посмотрела на него. В глазах у него не было той безопасной шутливости, за которой можно спрятать все сказанное. Мне стало тепло и немного страшно.

— Мне тоже, — ответила я.

Вечером позвонила Вера Николаевна. Рассказала, что в усадьбе оказалось два этажа, а лестница действительно хорошая, только экскурсовод больше любила рассказывать про занавески. Я слушала и впервые за весь разговор не ждала, когда она спросит, почему я обиделась.

— А ты что делала? — спросила она.

Я посмотрела на маленький батон на столе.

— Гуляла, мам. Очень хорошо гуляла.

Глава 4. Синий джемпер

На свидание я собиралась в синем джемпере, потому что в нем хорошо выглядела. Потом решила, что слишком стараюсь, сняла его, надела серый и стала выглядеть так, будто собиралась проверять счетчики. Синий вернулся на место.

Павел позвал меня в кино. Напомнил, что кресла мы уже обсудили, и пообещал, что второй раз им столько внимания не достанется. Я согласилась еще во вторник, но к пятнице успела несколько раз подумать, не слишком ли быстро все происходит.

На вопрос, что именно происходит, ответить было трудно. Мы один раз прошлись по скверу, несколько раз переписывались и теперь собирались посмотреть комедию. Если бы об этом рассказала Ольга, я бы не увидела причин для тревоги. Но когда речь шла обо мне, к двум билетам почему-то прилагалось все мое прошлое.

У кинотеатра Павел стоял без куртки. Она была перекинута через руку, хотя вечер уже похолодал.

— Жарко? — спросила я.

— Торопился. Потом решил, что лучше прийти разгоряченным, чем опоздать и объяснять, что я вообще-то пунктуальный.

— И давно стоите?

— Семь минут. Теперь надо объяснять, почему не надел куртку.

В фойе пахло кофе и сладкой кукурузой. Мы взяли по маленькому стакану воды. Павел предложил попкорн, но я отказалась: никогда не умела есть его достаточно тихо.

— Я могу шуметь с вами, — сказал он.

— Это не решит проблему.

— Зато никто не останется одиноким.

В зале оказалось прохладно. Он наконец надел куртку и сразу же снял, потому что сзади мешал капюшон. Я засмеялась. Павел посмотрел на меня с притворным укором.

— Мы договорились не обсуждать кресла.

— Я обсуждаю вашу одежду.

Фильм был старый, но я помнила только несколько сцен. В какой-то момент главный герой пытался незаметно перенести огромный букет через переполненный ресторан, и я начала смеяться раньше остальных. Павел повернул голову, потом тоже рассмеялся. Наши локти соприкоснулись на узком подлокотнике. Я не убрала руку. Он тоже.

После сеанса мы еще долго стояли возле афиш, споря о самом смешном эпизоде. Я удивлялась тому, как легко могу не соглашаться с человеком, которого почти не знаю. Не осторожничать, не выбирать безупречные слова, а просто говорить, что нет, эта сцена была гораздо лучше.

— Вы очень уверенно защищаете сомнительные решения, — сказал Павел.

— У меня большой опыт работы с авторами.

— Боюсь представить, как вы смотрите фильмы по плохим книгам.

— С удовольствием. Мне нравится быть правой.

Мы вышли на улицу. Возле входа кто-то громко звал такси, девушка в длинном шарфе пыталась одновременно застегнуть сумку и ответить на звонок. Павел предложил пройти до площади, где еще работало маленькое кафе.

Там было почти пусто. Мы сели возле окна. Официантка принесла меню, но мы долго не открывали его.

— Я разведена, — сказала я.

Павел поднял глаза.

— Ольга говорила.

Я почувствовала короткую досаду, хотя сама понимала: Ольга не обязана была представлять меня человеком без биографии.

— Недавно. Четыре месяца.

— Понятно.

— Не совсем. Я не собираюсь возвращаться к мужу. И не ищу человека, который поможет мне его забыть.

Сказав это, я услышала, как серьезно прозвучало. Мы еще даже чай не заказали, а я уже объясняла правила участия в своей жизни.

Павел отложил меню.

— Светлана, я пока хотел еще раз сходить с вами куда-нибудь. И, если повезет, чтобы вам тоже захотелось.

Я посмотрела на него и выдохнула.

— Да. Простите. Это у меня, кажется, вступительное слово затянулось.

— Ничего. Я тоже могу. Мне сорок девять, семь лет как разведен, сыну двадцать шесть, живет отдельно. С бывшей женой иногда разговариваем о нем и о всяких общих знакомых. Обратного билета нет.

— А вперед?

Он улыбнулся.

— Пока без расписания.

Мы заказали чай и по куску несладкого пирога. Я рассказала про Анину штору. Павел вспомнил, как его сын однажды купил стол без столешницы, потому что на картинке она была.

— И что сделал?

— Сначала долго доказывал, что это обман. Потом купил столешницу. Теперь у него особое отношение к описаниям товара.

Мне понравилось, как он говорил о сыне: с любовью, но без необходимости превратить каждую историю в доказательство его исключительности. Аня тоже бывала нелепой. Я бывала еще чаще.

Когда принесли счет, мы не устроили соревнования. Павел заплатил за кафе, я сказала, что в следующий раз угощаю. Он ответил, что теперь точно придется встретиться.

На площади он остановился возле большой лужи и предложил обойти ее с другой стороны. Я решила, что могу переступить через лужу, но она оказалась шире, чем я рассчитала. Носок ботинка промок.

— Не говорите ничего, — предупредила я.

— Я только хотел предложить другой маршрут.

— Уже поздно. Мой маршрут теперь внутри ботинка.

Он смеялся, пока мы шли к остановке, а я чувствовала себя не глупой, а живой. Это было странно после месяцев, когда любой промах казался подтверждением какой-то общей моей несостоятельности.

Автобус подошел почти сразу. Павел легко коснулся моей руки выше запястья.

— Спасибо за вечер.

— Вам тоже.

Мне хотелось остаться еще на минуту, но двери уже открылись. Я вошла и села у окна. Он стоял на тротуаре, сунув руки в карманы, и смотрел на меня. Я помахала.

Дома мокрый ботинок оказался гораздо мокрее, чем я думала. Я набила его бумагой, поставила в прихожей и достала телефон.

«Следующий маршрут выбираете вы», — написала я.

Ответ пришел быстро: «У меня есть несколько сухих предложений».

Я улыбнулась и не стала прятать телефон экраном вниз, хотя в комнате никого не было.

Глава 5. Дачный вопрос

Вера Николаевна позвонила в среду, когда я резала яблоко над кухонной доской.

— Света, у тебя на даче еще книги лежат?

— Кажется, да. В нижнем шкафу.

— Посмотришь в ближайшее время? Я хочу освободить дом к концу октября.

Нож остановился на середине яблока.

— Освободить для чего?

— Я продаю дачу.

Я положила нож на доску. На столе лежала ровная половина яблока, а в руке осталась неровная. Я зачем-то поменяла их местами.

— Совсем?

Вера Николаевна тихо засмеялась.

— Свет, дачу обычно совсем продают. Не по вторникам.

— Я понимаю. Просто неожиданно.

— Для тебя. Я давно об этом думаю.

Она рассказала, что соседи познакомили ее с парой, которая искала небольшой участок недалеко от города. Дом им подошел, огород тоже. Они уже несколько раз приезжали, смотрели крышу, воду, забор. До конца октября Вера Николаевна собиралась вывезти нужные вещи.

— А Кирилл знает?

— Знает.

Я услышала в своем вопросе то, чего не хотела говорить. Кирилл знал раньше меня. Это не означало, что они что-то замыслили. Он был ее сыном. Но привычная семейная очередь новостей опять обошла меня стороной.

— Он не против?

— Он там последний раз траву косил два года назад, — сказала Вера Николаевна. — Его мнение я выслушала. Дача моя.

— Конечно.

— Не говори «конечно» таким голосом. Ты тоже можешь расстроиться. Только решение уже принято.

Я посмотрела на окно. В стекле отражалась моя кухня. Все здесь было моим, удобным, знакомым. При разделе имущества мы с Кириллом договорились без войны. Мне не приходилось ночевать у чужих людей или считать, хватит ли на аренду в следующем месяце. И все же при слове «продаю» я почувствовала себя так, будто у меня забирали еще одну комнату.

На даче я никогда не была хозяйкой. Вера Николаевна купила ее еще до нашей свадьбы, вместе с мужем. Я приезжала туда летом, полола грядки по собственному желанию и спорила, зачем сажать столько кабачков. Аня училась ходить по дорожке возле яблони. Кирилл однажды провалился ногой в старую ступеньку и потом целый день сердился на доски, хотя все над ним смеялись.

Ни один из этих случаев не давал мне права решать, что делать с домом.

От этого грусть не становилась меньше.

— Вам тяжело там? — спросила я.

— Мне надоело. Это немного другое. Я могу копать, могу поливать. Но не хочу все лето смотреть на небо и думать, дождь будет или опять ехать с лейками.

— Вы же любили.

— Любила. И сейчас люблю кое-что. Веранду вечером. Запах смородины. Только вместе с этим идут крыша, забор и шесть грядок, которые почему-то каждый год снова вырастают у меня в голове.

Я засмеялась, но сразу перестала.

— А как же лето?

— Будет лето без огорода. Попробую. Если не понравится, буду жаловаться, как все нормальные люди.

Она сказала это так спокойно, что я впервые представила ее не возле грядок, а где-нибудь на чужой набережной, в той новой вишневой куртке. Рядом Леонид. Они выбирают, куда пойти, и не думают, кто сегодня открыл теплицу.

— Вы с Леонидом куда-то собираетесь?

— В ноябре на две недели. Он давно зовет. У него там приятель живет, обещал показать город. Мы снимем маленькую квартиру, чтобы никого не стеснять.

— Давно вы с ним...

Я остановилась.

— Год, — ответила Вера Николаевна. — Если ты про это.

Год. Пока я еще была замужем, пока не знала об Инне, пока считала свою семью чем-то большим и надежным, у Веры Николаевны уже происходила собственная история.

— Почему вы не говорили?

— Я говорила. Что с Леонидом ходили, что он помог, что вместе были на концерте. Ты думала, я всех знакомых мужчин по мероприятиям выгуливаю?

Я закрыла глаза и рассмеялась.

— Наверное.

— Ничего. Я тоже не сразу поняла.

В ее голосе появилась мягкость, которой я раньше не замечала. Не материнская. Совсем другая.

— Вы счастливы? — спросила я.

Вера Николаевна помолчала.

— Мне хорошо, Света. Давай пока так.

Мы договорились, что в одну из ближайших суббот я заеду посмотреть книги. Точную дату решили выбрать позже. Я спросила, нужна ли помощь с коробками. Она сказала, что нужна будет, но сначала хочет сама понять, что забирает.

После разговора я доела яблоко стоя. Оно успело потемнеть по краю. Я хотела позвонить Кириллу и спросить, почему он не предупредил. Потом представила его ответ: «Мама сама решила». И поняла, что хочу позвонить не за сведениями. Мне хотелось, чтобы кто-то еще расстроился правильно.

Телефон я положила на стол.

Павел прислал фотографию сухой дорожки возле реки. «Предложение на субботу. Проверено сегодня».

Я посмотрела на фотографию. Вдалеке виднелась скамейка, возле нее стоял мужчина с собакой. Обычное место, в котором у меня пока не было ни одного воспоминания.

«Подходит», — написала я.

Глава 6. Между двумя остановками

В субботу Павел встретил меня возле речного спуска и первым делом показал на асфальт.

— Обещанное сухое место.

— Вы всю неделю следили?

— Сегодня утром проверил. Ночью дождя не было, но я решил не рисковать репутацией.

Я надела терракотовое пальто и удобные ботинки. Синий джемпер снова оказался под ним, хотя его почти не было видно. Мне нравилось знать, что он там.

Мы пошли вдоль воды. На другом берегу стояли старые склады, за ними поднимались новые дома. Ветер гонял по дорожке желтые листья, и Павел время от времени наступал на особенно крупные, будто проверял, какие громче хрустят.

— Это профессиональное? — спросила я.

— Что?

— Проверка звука.

Он посмотрел под ноги и усмехнулся.

— Кажется, детское. Но можно выставить счет.

Возле лодочной станции оказалось открыто маленькое кафе. Я купила нам кофе, как обещала после прошлого свидания, и мы сели снаружи: на солнце было тепло. Павел рассказал, как в молодости играл на гитаре в компании, пока не выяснил, что слушать музыку ему нравится гораздо больше, чем разучивать ее.

— Редкое признание, — сказала я. — Обычно люди говорят, что им просто не дали возможности.

— Мне дали гитару. Возможность была полная.

Я рассказала, как несколько лет ходила с Аней на выставки только потому, что боялась показаться скучной матерью, которая понимает лишь продукты и школьные собрания.

— А нравилось?

— Иногда. Но однажды мы обе признались, что хотим уйти есть картошку. С тех пор стало лучше.

Он засмеялся. Мне нравился его смех: он не старался сделать его красивым. Чуть откидывал голову, шурился, потом смотрел на меня, как будто хотел убедиться, что мне тоже весело.

Когда мы снова вышли на дорожку, солнце спряталось. Я застегнула пальто до верхней пуговицы. Павел спросил, не замерзла ли я, и предложил пройти до остановки через старые дворы. Я согласилась.

В первом дворе мы уперлись в закрытые ворота.

— Проверено? — спросила я.

— Не сегодня.

— Репутация держалась почти два часа.

Он подошел к воротам, посмотрел сквозь прутья и вернулся.

— Раньше здесь был проход.

— Раньше много чего было.

Я сказала это легко, но сама услышала, как фраза потянула за собой лишнее. Павел не стал переспрашивать. Мы развернулись и пошли обратно, теперь уже против ветра.

На углу я увидела витрину маленького магазина с посудой. В ней стояла нелепо большая чашка с крохотным блюдцем.

— Смотрите, — сказала я. — Если пригласить человека на такую чашку чая, раньше утра он не уйдет.

— Тогда к ней полагается еще и завтрак.

Мы остановились перед витриной. В стекле мы отражались плечом к плечу. Павел посмотрел не на чашку, а на мое отражение. Я повернулась к нему.

Он не наклонился сразу. Сначала коснулся моей руки, осторожно, но без случайности. Я могла отодвинуться. Не захотела.

Поцелуй оказался коротким. Мне мешал воротник, ему — мой шарф, и все равно я успела почувствовать, как сильно ждала этого прикосновения.

Павел отстранился совсем немного.

— Здравствуйте, — сказал он тихо.

Я засмеялась ему прямо в лицо.

— Мы уже здоровались.

— Кажется, не до конца.

На этот раз я сама подняла руку к его щеке. Короткая борода неожиданно приятно коснулась пальцев. Я поцеловала его снова, уже не думая, как мы выглядим возле магазина посуды.

Потом мимо нас прошла женщина с двумя пакетами и громко попросила дать ей посмотреть на чайник. Мы отступили, все еще держась за руки. Павел посмотрел на витрину с совершенно серьезным видом.

— Хороший чайник.

— Ты его не видел.

Слово выскочило раньше, чем я успела решить, можно ли. Павел сжал мои пальцы.

— Теперь видел. А ты?

— Я смотрела в другую сторону.

Мы пошли дальше, уже не отпуская рук. Все вокруг осталось прежним: ветер, дворы, автобусные остановки. Только я чувствовала каждый шаг иначе, как будто в пальцах появилась отдельная память.

Возле остановки он предложил проехать со мной несколько остановок, хотя ему было в другую сторону.

— Зачем?

— Еще немного побыть. Могу придумать более полезную причину, но эта первая.

Я подвинулась на скамейке, освобождая ему место. Автобус как раз показался вдали.

— Тогда давай подождем следующий. Этот все равно обычно полный.

Мы сидели рядом и смотрели на дорогу. Павел рассказывал, что в детстве считал всех водителей автобусов знакомыми между собой, потому что они иногда махали друг другу. Я вспомнила, как Аня боялась пропустить остановку даже тогда, когда ехала со мной.

Мы не говорили о том, что теперь между нами. Мне впервые за долгое время не хотелось немедленно узнать правильное название происходящего.

Когда подошел следующий автобус, мы вошли вместе. Павел встал рядом, держась за поручень, а я села на свободное место. На третьей остановке он наклонился ко мне.

— Мне здесь выходить.

— Знаю.

— Напишешь, когда доедешь?

— Да.

Он поцеловал меня в висок и вышел. Я смотрела, как он идет вдоль автобуса, потом останавливается и находит меня глазами.

Дома я долго не снимала пальто. Стояла в прихожей, улыбалась своему отражению и понимала, что никакой правильной реакции у меня нет. Я была взрослой женщиной, у которой на кухне стояла немытая чашка, а в голове повторялся один короткий поцелуй.

Этого на сегодня оказалось достаточно.

Глава 7. Не на хранение

Книги с дачи я вспомнила в четверг, когда искала дома справочник. На нижней полке лежала старая записная книжка, а между страницами торчал список: «Чай. Батарейки. Анина кофта. Забрать книги».

Список был трехлетней давности. Книги так и оставались там.

Я присела перед полкой и стала вспоминать, какие именно. Два сборника рассказов, детская энциклопедия с порванной обложкой, роман, который я читала каждое лето с середины, потому что начало давно знала. Ничего редкого. Ничего такого, без чего нельзя было прожить.

И все же я достала большую сумку и поставила возле двери.

Вера Николаевна попросила приехать не в эту субботу, а через неделю, в воскресенье. В субботу к ней должен был зайти человек посмотреть старый шкаф, который она решила отдать. В воскресенье до трех они с Леонидом собирались быть на даче, потом ехать в город к покупателям обсудить оставшиеся вещи.

— До трех, — повторила она. — Потом мы уезжаем. Если что-то останется, ты закроешь сама?

— Конечно.

— Я не про помощь. Просто чтобы ты знала, сколько времени.

Я знала. Даже записала в календарь.

Вечером позвонил Кирилл. Его имя на экране по-прежнему вызывало короткое напряжение, хотя уже ничего нового он мне не сообщал.

— Свет, у тебя на даче в кладовке коробка с бумагами. Мама говорит, там может быть мой старый диплом с курсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.